

Г.А. Острогорский

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются основные этапы развития византиноведения как науки с момента ее зарождения в XVI в. до 1-ой четверти XX в. Показаны причины негативного отношения к византийской истории со стороны деятелей эпохи Просвещения. Проанализирован вклад в развитие науки русских дореволюционных ученых.

Ключевые слова: византология, история Византии, Ш. Дюканж, Ш. Лебо, Э. Гиббон, А. Монье, В.Г. Васильевский, Н.П. Кондаков, Ф.И. Успенский, А.А. Васильев, Ю.А. Кулаковский.

Научное изучение Византии началось в связи с интересом к миру классической античности. Путь историка в Древнюю Грецию пролегал через Византию, которая сохранила классическое наследие, и именно благодаря Византии Запад эпохи Возрождения мог удовлетворить свое страстное стремление как можно больше узнать о греческой культуре. Поскольку ученые были заинтересованы в приобретении греческих манускриптов, в издании и комментировании классических текстов, они вынуждены были обращаться к византийским источникам, так как иных просто не существовало. Византийские ученые Мануил Хризолор, Иоанн Агриропол и Виссарион много сделали для изучения греческой словесности на Западе.

Сперва на Западе Византию рассматривали как некую лавку старьевщика, в которой можно было найти сокровища классического мира, сама же по себе «схизматическая» Византия ученых Возрождения практически не интересовала. Но по мере того, как все более распространялось изучение греческого языка, по мере расширения путешествий в древние центры византийской культуры, по мере обращения к византийским комментаторам в деле изучения классической литературы, — возник интерес и к самой Византии. И более того, поскольку история Византии еще не завоевала себе права на существование, то зачастую не делалось разделения между писателями классического мира и Византии. И в изданиях классических памятников иногда включались собственно византийские тексты.

Перевод с английского выполнен священником Игорем Ивановым по изданию: *Ostrogorsky G.A. History of The Byzantine State. New Jersey, 1969. P. 1–12.* Перевод другого фрагмента из этой же книги: *Острогорский Г.А. История Византийского государства. На заре новой эпохи / Пер. с англ. И.А. Иванова // Христианское чтение. 2007. №28. С. 191–203.*

Первым ученым, проявившим интерес к византийской истории и открывшим ее особую ценность был ученик Меланхтона — Иероним Вольф (1516–1580). Он был библиотекарем и секретарем знатного семейства Фуггеров в Аусбурге и страстно интересовался как Византией, так и классическими писателями. С помощью Антона Фуггера он опубликовал «Хронику» Иоанна Зонары, «Историю» Никиты Хониата и часть «Истории» Никифора Григоры. Вольф был первым, кто стал рассматривать историю Византии как целостное и независимое явление, и даже задумал написание труда под названием *Corpus byzantinae historiae*.

Дело Вольфа продолжили другие ученые. С одной стороны, сам ренессансный гуманизм жил духом исследования, а с другой — изучение Византии стимулировалось политическими и церковными интересами, обусловленными общей борьбой с турками-османами, а также объединительным движением среди католиков и симпатиями протестантов к антипапской Византии. Причем уже в конце XVI – начале XVII века в разных местах и разными методами была подготовлена почва для исследования источников по византийской истории и по сводам византийских законов. Пионерами в этом деле были следующие ученые: ученики Вольфа Вильгельм Хольцман и Давид Хёшель, а также выдающийся правовед Иоганн Лёнклавий — в Германии; ученые-иезуиты, особенно Д. Петавий (Дени Пето) — во Франции; Б. Вулканий в Нидерландах, а в Голландии — Иоганн Меурсий; в Италии же — греческие униаты Николай Алеманн и Лев Алляций.

В этот начальный период изучение Византии обычно ограничивалось изданием источников и переводом их на латинский язык. При этом выбор авторов более или менее определялся случайно. Пока еще в руках ученых не было накоплено достаточно материалов и не было четкого плана действий. Начало было скромным, но тем не менее довольно значительным.

По настоящему изучение Византии начало процветать во Франции в середине XVII века. Всплеск интеллектуальной активности при дворе Людовика XIII, а тем более при дворе Людовика XIV нашел выход в изучении истории Византии. Издание византийских текстов перестало быть делом случайным. Теперь уже научное сообщество координировало и направляло усилия отдельных ученых согласно единому плану, что отражало живой и все возрастающий интерес к Византии. Непосредственно под патронажем Людовика XIV и министра финансов Кольбера знаменитый Печатный двор Лувра стал издавать большую серию работ византийских историков. Первой, в 1645 г., была напечатана «Исто-

рия» Иоанна Кантакузина, а в 1648 г. вышла «*Excerpta legitionibus*» Константина Порфирогенита с предисловием Ф. Лаббе, в котором он привел план издания предполагаемого *Corpus*'а византийских историков. Он особо подчеркнул значение истории Византии, призывая ученых всех стран объединить свои усилия в её изучении. Начатый труд длился десять лет и привел к достаточно полному изданию источников по византийской истории. Впоследствии эти источники были полностью перепечатаны в так называемом «Венском корпусе», а в «Боннский корпус» вошла большая их часть наряду с некоторыми дополнениями.

В издание «Парижского корпуса» внесли свой вклад такие известные ученые, как иезуиты Филипп Лаббе (1607–67) и Пьер Пуссин (1609–86); доминиканцы Жак Гоар (1601–53) и Франсуа Комбефи (1605–97), а также знаменитый юрист Шарль Аннибаль Фабре (1580–1659). За пределами Франции также велась серьезная научная работа, особенно в Риме, такими учеными как Лука Хольштейн и Лев Алляций. В итоге в луврском издании были впервые опубликованы многие византийские авторы, а уже известные работы были переизданы. Таким образом, благодаря наилучшим редакциям текстов и весьма необходимым и полезным комментариям, «Парижский корпус» стал действительно громадным достижением в изучении Византии.

Кроме того, дополнением к «Парижскому корпусу» послужили достижения в исследовании истории Церкви и законодательства Византии, о чем свидетельствуют такие работы как «*Concilia*» Лаббе (положенная затем в основу изданий *Hardouin*'а и *Mansi*¹), и хорошо известный греческий «*Euchologion*», изданный Гоаром, а также издание писаний отцов Церкви Комбефи и издание Фабре — «*Basilica*».

Сперва организаторами издания «Парижского корпуса» были Гоар и Фабре, а затем уже в пору их наибольшей деятельности — примерно в 1670 г. — появилась исключительно выдающаяся личность — Шарль Дюканж.

Дюканж (1610–1688) стал фактически основателем изучения истории Византии. Он издал «Историю» Киннама, «Хронику» Иоанна Зонары, и «Пасхальную хронику». Дюканж снабдил эти издания подробными комментариями, также как и изданные Пуссином книги Анны Комнины и Никифора Вриения. Более того, с неиссякаемой энергией он первым начал вести исследовательскую работу в удивительно широком круге смежных областей, включавших наряду с историей философию, генеалогию, топографию и нумизматику. Даже и по сей

---

¹ Изданию деяний Вселенских Соборов положено новое основание фундаментальным трудом *Е. Шварца* *Acta conciliorum oecumenicorum*. 1922.

день многие из его работ не потеряли ценности, особенно «Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français» (1657) и — большая работа в 2-х частях, включающая топографические сведения (Constantinopolis Christiana) и основательную работу по генеалогии (De familiis byzantinis). Среди трудов Дюканжа самыми значительными были словари средневековой лексики: греческий и латинский. Среди них — Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis², который особо ценен для византинистов. Хотя со временем появились и другие словари, например, «Лексикон» Е.А. Софокла³, все же «Глоссариум» Дюканжа с его обзором оригинальных источников и историческими заметками остается незаменимым пособием для изучения Византии.

Работа Дюканжа была продолжена его младшими современниками. Жан Мабильон (1632–1707) основал научное исследование подлинных документов, Бернард Монфокон (1655–1741) начал изучение греческой палеографии (Paleographia graeca). Вслед за ним доминиканец Михаил Лекьен (1661–1733) написал труд “Oriens christianus”, а бенедиктинец Ансельм Бандури из Рагузы (1670–1743) издал “Imperium orientale”, содержащий важные топографические и археологические материалы.

Таким образом, интерес к Византии в XVII в., особенно во Франции, принес свои замечательные плоды. Однако в следующем столетии исследование Византии оказалось в крайне неблагоприятных условиях. Век просвещения и рационализма, гордящийся философским свободомыслием и религиозным скептицизмом, свысока смотрел на историю всего средневековья. С особым презрением он относился к консервативной и религиозно-мыслящей Византийской империи, история которой казалась ему «никчемным собранием торжественных речей и чудес» (Вольтер), «чередой восстаний, мятежей и предательств» (Монтескье), или, по крайней мере, трагическим эпилогом славного Рима. Так Шарль Лебо в своей “Histore du Bas Empire” (Paris, 1757–86) и Эдуард Гиббон в “Decline and Fall of the Roman Empire” (London, 1776–88) представляют историю Византии как историю тысячелетнего упадка Римской империи. Сам Гиббон провозгласил, что в его работе описан «триумф варварства и религии».

² Этот словарь был переиздан в парижском Коллеж де Франс в 1943 г.

³ Этот Лексикон был переиздан в Кэмбридже в 1914 г. под названием Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Особо нужно отметить обширнейший девятитомный толковый словарь, изданный Д. Димитракосом в 1949–50 гг. в Афинах, представляющий развитие греческого языка во все периоды его истории — Μέγαλεξικόν τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης.

В наше время нет нужды заострять внимание на неверности подходов Лебо или Гиббона: византологи давно уже в равной мере не доказывают важность их трудов и не опровергают с жаром их оценок. Теперь их многотомные труды не вызывают сильных чувств, поэтому можно спокойно оценить как их слаботи, так и великую историческую ценность. Нужно признать, что Гиббон и Лебо были подлинными историками, а Гиббон даже весьма выдающимся. Их работы, несмотря на фактическую неадекватность, имеют большое значение из-за собранного в них материала. Не взирая на все их ошибки, труды эти читают и цитируют чаще, чем работы ученых XIX в., которые казалось бы лучше и в литературном, и в историческом смысле. Более того, работы Гиббона, изданные Дж.Б. Бьюри в 1897–1900 гг., представляют особую значимость благодаря обширным комментариям и приложениям издателя.

Предвзятые оценки Гиббона все же для многих ученых оказались сильным сдерживающим фактором, снизив энтузиазм в изучении истории Византии на целое столетие. Даже сейчас на религиозную жизнь Византии многие ученые смотрят с позиции Гиббона. Однако византистика не исчезла. В Гамбурге Иоганн Альберт Фабрициус в 1705–1728 гг. издал 14 томов “*Bibliotheca graeca*” (переиздание в 12-ти томах в 1790–1809 гг.) — необходимое пособие по истории Византийской литературы. Одним из величайших событий в истории византологи было счастливое открытие и публикация Лейпцигского манускрипта “*De ceremoniis*”. Комментарии к нему были составлены Иоанном Яковом Райске (1716–74), известным знатоком греческого и арабского языков, но что характерно для того времени, эти комментарии оставались неизданными несколько десятилетий. В 1819 г. К.Б. Хазе издал «Историю» Льва Диякона, включив ее в «Парижский корпус», и тем самым дав новый стимул к изучению Византии. Вскоре после этого в 1828 г. Нибур положил основание боннскому “*Corpus scriptorum historiae byzantinae*” своим изданием Агафия. Нужно отметить, что для Нибура никакие предрассудки или всеобщее равнодушие не могли заслонить собой понимание исторического значения Византии. «Боннский корпус» представлял собой сильно расширенную перепечатку «Парижского корпуса», он был гораздо удобнее и полнее последнего, и его ценность хорошо известна ученым.

В то же самое время были сделаны значительные успехи в истории Византии. Друг Байрона, грекофил Джордж Финлей (1799–1875) в своей обширной истории Греции весомую часть посвятил истории Византии. Его семитомный труд «История Греции от римского завоевания до нашего времени» (Лондон, 1877 г.) охватывает период с 146 г. до н. э. по 1864 г. н. э. Во Франции появи-

лись монографии В. Паризо об Иоанне Кантакузине (1845) и Бержера де Ксирри о Мануиле II (1853). Обе эти работы до сих пор не потеряли своего значения. В Германии вели активные исследования Г.Л.Ф. Тафель (1787–1860) и Г.М. Томас (1817–87). Ценные работы по истории Греции написали Я.Ф. Фальмайер (1790–1861) и Карл Хопф (1832–73). Исследование Карла Хопфа “*Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit*” (1867–68) было основано на тщательном изучении источников и добросовестной работе в архивах. Несмотря на дотошное, затрудняющее чтение, изложение материала, и на не всегда связанные друг с другом утверждения, все же эта работа имеет непреходящую ценность как собрание исторического материала и представляет большой интерес для изучающих период латинского господства, но в ней мало говорится об эпохе Палеологов. Основаны на труде Хопфа и популярны по сей день работы Г.Ф. Герцберга “*Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart*” (4 тома, 1876–79) и “*Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16 Jahrhunderts*” (Berlin, 1883). Весьма популярен был и трехтомник А.Ф. Грёпера “*Byzantinische Geschichte*” (1872–77), но этот труд во многих отношениях содержит элементы вымысла и поэтому не представляет никакой ценности сегодня. С другой стороны, в “*Byzantinische Studien*” (Leipzig, 1876), труде Фердинанда Хирша, проделавшего серьезную научную работу, можно найти еще много ценных подробностей и комментариев.

Более глубокое понимание истории, появившееся в XIX веке, смогло изменить то высокомерное, не историческое и сугубо дискредитирующее отношение к византийскому миру, установившееся в науке века Просвещения. Возросла оценка значимости исторического развития. Ученые, подобные Ранке и Моммзену, разрушили легенду о длительном периоде тысячелетнего упадка Рима, а последнюю четверть XIX века ознаменовал рост интереса к Византии среди ученых ведущих европейских держав. Альфред Рамбо, Василий Васильевский, Карл Крумбахер, Дж.Б. Бьюри — каждый в своей стране положили начало византологии как самостоятельной научной дисциплине. Успехи этих ученых заложили основание современной византистики. Предубеждение и отрицательное отношение к этой науке было уже в прошлом, на их место пришло полное признание. Изучение истории Византии перестало плестись следом за другими историческими дисциплинами, оно само вышло на передний край.

К сожалению А. Рамбо вскоре оставил византийские исследования, переключив свое внимание на историю России. Впрочем, его скорее популярная, нежели научная работа о веке Константина Порфирогенита успела возбудить

интерес к Византии среди французских историков — его исследования подхватили Густав Шлюмбергер и Шарль Диль.

Продолжив двухтомную работу Ж. Сабатье «Описание византийских монет» (“Description des monnaies byzantines”. Paris, 1862), Г. Шлюмбергер сделал исключительно ценный вклад в нумизматику и, в частности, в изучение печатей. Среди широкого круга его научных работ наивысшую оценку заслужила книга по византийской сфрагистике “Sigillographie de l’Empire byzantin” (Paris, 1884). Более того, трудно переоценить значение его монументальной “Épopée byzantine” и многих других работ, расширивших, как никогда прежде, интерес к Византии среди образованных людей. Что касается Шарля Диль (1859–1944), он был еще более блестящим популяризатором Византии, обретая известность своими искусно написанными, восхитительными эссе, например, «Византийские портреты» (“Figures byzantines”). К тому же он был поразительно многосторонним ученым, он охватывал в своих работах все разделы истории и искусства Византии. У него было редкое сочетание живого повествования с самой строгой научной скрупулезностью. Это видно и по его исчерпывающим сочинениям об Экзархате Равенны (1888), о византийской Африке (1896) и о Юстиниане (1901), а также несколькими эссе, собранным в его «Византийских исследованиях» (“Études byzantines”, 1905). Мало кто из ученых сделал столько как для продвижения византологии, так и для стимулирования к собственным исследованиям. Диль привлек к себе много учеников из разных стран. Таким образом, огромный толчок к изучению Византии был сделан во Франции в конце XIX и в начале XX века. Работа Диль была продолжена другими учеными, среди которых выделяются Луи Брейе, Фердинанд Шаландон и Жюль Ге. А в Бордо Анри Монье положил основание школе, сконцентрировавшейся на правовой истории как отрасли византинистики.

В Германии систематические исследования по Византии начал проводить Карл Крумбахер (1856–1909). В 1891 г. он опубликовал “Geschichte der byzantinischen Literatur”, а шесть лет спустя выпустил значительно расширенное 2-ое издание, в которое был включен раздел богословской литературы Альберта Эрхардта и очерк византийской истории Генриха Гельцера. Эта работа явилась наиболее значительным достижением со времен Дюканжа. Она стала настольной книгой для всех византинистов. В 1892 г. Крумбахер основал “Byzantinische Zeitschrift” — периодический научный журнал, ставший центром изучения Византии в Западной Европе. Это издание обеспечило византинистов превосходной библиографией, позволяющей им постоянно находиться на современном

уровне исследований. Кроме того, основанный в Мюнхене Крумбахером семинар (Seminar für mittel und neugriechische Philologie) стал интернациональным центром по изучению Византии. Благодаря этим нововведениям великий филолог обеспечил значительный успех в византистике.

Большое воздействие на распространение изучения истории Византии в Германии в конце XIX в. оказали Карл Нойман и Генрих Гельцер. Работа Ноймана “Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen” (1894) остается мастерским образцом в исследовании и изложении. Нойман также занимался и другими проблемами византологии, но, к сожалению, скоро оставил ее ради истории искусств. Работа Гельцера “Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte” (1899), как ни жаль, не дотягивает до крумбахерского уровня, но он сделал существенный вклад в византологию в своих специальных работах, в частности, в “Genesis der byzantinischen Themenverfassung” (1899). Продолжателем дела Крумбахера в Мюнхене стал Август Гейзенберг. Несмотря на то, что в первую очередь он был филологом, он не пренебрегал и историей и, в особенности, историей искусства. Он продвинул вперед византистику, переиздавая византийских писателей с критическим разбором, а также публикуя и комментируя новые источники. Кроме того, изучению Византии в Германии и Австрии способствовали своими работами историки и филологи (как классики, так и медиевисты), которые помимо прочего интересовались и Византией: это — Л.М. Гартман, О. Зеек и Е. Шварц. Особенно важны труды великого правоведа К.Е. Цахариэ фон Лингенталя (1812–94). Его семитомник “Jus graeco-romanum” (Leipzig, 1856–84) стал самым важным сборником источников по византийскому праву, а его “Geschichte des griechischen-römischen Rechtes” (3-е изд. Берлин, 1892) заложила прочное основание исследованию правовой системы Византии.

В России действительным основателем византологии следует считать В.Г. Васильевского (1838–99). Н.П. Кондаков (1844–1925) также занимался археологией и историей искусства Византии. Значение трудов Васильевского имеет непреходящую ценность благодаря обширному охвату оригинального материала, критического подхода к нему и стимулирующей направленности его изысканий. Его исследования отношений между Россией и Византией, а также Византией и печенегами и, особенно, проведенное впервые изучение внутренней жизни Византийской империи и по сей день не потеряли своей исключительной ценности. В 1894 г. он основал журнал «Византийский временник». До этого русские византисты вынуждены были довольствоваться возможностью опубликования своих работ в различных периодических изданиях, в частности, в «Жур-

нале Министерства народного просвещения», зато теперь они получили свое собственное, которое совместно с журналом “Byzantinische Zeitschrift”, основанным двумя годами ранее, обеспечило успешное изучение Византии. Год спустя Ф.И. Успенский (1845–1928), будучи директором только что основанного Русского археологического института в Константинополе, начал издавать «Известия Русского археологического института в Константинополе». Именно ему после Васильевского принадлежит наибольшая заслуга в российском византиноведении. Такие черты Васильевского как скрупулезный, тщательный и критический подход к конкретным исследованиям, Успенский удачно сочетал с широтой и глубиной в подходе к византийской истории. Едва ли можно найти какую-либо проблему в истории Византии, которой бы он не коснулся, и вряд ли сыщется какой-либо фундаментальный вопрос, который бы не был им рассмотрен. Он был не только наиболее продуктивным, но и наиболее многогранным русским ученым-византинистом. В отличие от Васильевского он написал монументальный труд «История Византийской империи» — самое подробное современное исследование по истории Византии. В силу трудных времен различные тома появились с большими интервалами (том 1 — в 1913 г., том 2, часть 1 — в 1927 г., том 3 — в 1948 г.), вся же работа до сих пор еще полностью не опубликована.

Особая активность русских византинистов в конце XIX – нач. XX вв. была обусловлена, в основном, научной школой, созданной Васильевским и Успенским. Среди их учеников выделились: А.А. Васильев, Б.А. Панченко, П.А. Яковенко и П.В. Безобразов. Васильевский и Успенский особое внимание уделяли византийской аграрной проблеме, она и далее оставалась любимым объектом исследований русских византологов. Однако Панченко в 1904 г. издал книгу о крестьянских владениях в Византии, где он опровергает взгляды своих великих предшественников — Цахариэ фон Лингенталя, Васильевского и Успенского. П. Безобразов и, особенно, П. Яковенко также, как и Панченко, сконцентрировали свое внимание на проблемах внутренней истории Византийской империи и, подобно Васильевскому, серьезно исследовали первоисточники. В свою очередь, А.А. Васильев опубликовал капитальную работу по истории взаимоотношений между Византией и арабами в IX и X веках (Византия и арабы. В 2-х тт. 1900–1902). Ю.А. Кулаковский написал историю Византийской империи от 395 до 717 гг. в 3-х томах (Киев, 1913–1915) — сухую, но все же исключительно умную и полезную книгу. Большим подспорьем византийским исследованиям стало еще одно периодическое издание, основанное в 1915 г. — «Византийское обозрение». До 1917 года успело выйти три тома.

В Англии новый этап в изучении Византии, начиная с конца XIX века, принадлежит Дж.Б. Бьюри (1861–1927). Без всякого сомнения, он был одним из наиболее выдающихся византинистов, ученым высокого уровня и огромной эрудиции, с особыми качествами проницательности и критического анализа, а также с последовательным и строгим подходом к исследованиям. Наряду с большим количеством частных работ, у него есть и обобщающие труды, охватывающие большие периоды византийской истории. В 1889 г. вышла его «История поздней Римской империи», охватывающая период от 395 до 800 гг. (в 2-х тт); в 1912 г. последовала «История Восточной Римской империи» (от коронации Карла Великого до воцарения Василия I). В 1923 г. Бьюри предпринял новое издание своей истории под тем же заглавием и также в двух томах, но более подробное, так что оно охватывало период от 395 г. до смерти Юстиниана I. Следует особо отметить превосходные комментарии Бьюри к новому изданию “Cletorogion’a” Филофея в “The Imperial Administrative System in the Ninth Century” (1911). Если русские византологи заложили фундамент в исследованиях византийской аграрной системы, то Бьюри впервые начал систематическое исследование истории византийской административной системы, которое было успешно продолжено Эрнстом Штейном и Францем Дёльгером. Бьюри нашел достойного преемника в лице Норманна Бейнса, который особенно преуспел в изучении ранней Византии. История Византии в позднем средневековье, и, главным образом, её отношения с латинянами была предметом исследований Вильяма Миллера.

В изучение Византии немалый труд вложили греки, так как для греческих ученых история Византии была частью их собственной национальной истории. Значительное внимание истории Византии уделено в работе блестящего патролога К. Папаригопулоса “Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῶν νεωτέρων” (5 тт. Афины, 1860–77 гг., переиздана в 1925 г.). Многие главные моменты своего труда автор переиздал на французском языке в “Histoire de la civilisation hellénique” (Paris, 1878). Много труда вложил в изучение Византии Спиридон Ламброс (1851–1919) скрупулезным изучением рукописей и их бесчисленными изданиями. Он также написал популярную историю Греции от ранних времен до 1453 г. — “Ιστορία τῆς Ἑλλάδος μετ’ εἰκόνων ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῆς ἀλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως” (6 тт. Афины, 1886–1908). Позже А. Андреадис (1876–1935) внес свой значительный вклад в изучение финансовой и экономической истории Византии, опубликовав ряд специальных работ в “Ιστορία τῆς Ἑλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας” (Афины, 1918). Особый интерес, который греки находили в изучении Византии, нашел свое отра-

жение и в греческой периодике, особенно в “Δελτίον τῆς Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας” (Афины, начиная с 1893 г. и далее) и в “Νέος Ἑλληνομνήμων”, издателем (и основным вкладчиком с 1904 по 1917 гг.) которых был неутомимый С. Ламброс. Периодическое издание, сугубо посвященное Византии и названное “Βυζαντίς”, задумал Н. Бей (Ν. Βέης), но вышло лишь 2 тома между 1909 и 1911 гг.